8 ФЕВ 1984

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

КАЛЕНДАРЬ «ЛГ»

«ВО МНЕ ЗВЕНИТ ВЕСЕННИЙ ПРОБЛЕСК СЧАСТЬЯ...»

К 100-летию со дня рождения Сергея ГОРОДЕЦКОГО

НА ФОТОГРАФИИ 1915 года рядом с Сергеем Городецким — Сергей Есенин. Он только что появился в Петрограде с узелком рукописей, был у Блока, и тот, отобрав несколько стихотворений, направил его к Городецкому. Блок не ошибся: Городецкий сумел и оценить первые стихи Есенина, и помочь ему самому.

Увлечение деревней, тяга к русской старине и языческой мифологии, острый интерес к народным истокам поэзии — всем этим жил тогда Городецкий и всем этим была одушевлена его лучшая книга «Ярь» (1907 год):

Жутко мне
от вешней радости,
От воздушной этой
сладости,
И от звона, и от грома
Ледолома
На реке
Сердце бьется налегке.

В поэзии Городецкий прошел долгий и сложный путь, был одним из лидеров акмеизма, с начавшейся мировой войной связывал надежды на славянское возрождение, однако, оказавшись на фронте в качестве военного корреспондента, пережил крушение иллюзий, ощутил ужас происходящего...

После Октября под влиянием блоковских «Двенадцати» Городецкий пишет поэму «Красный Питер», стремится передать в стихах романтику героической борьбы. Советская поэзия видится ему мощным средством переустройства жизни:

Птицы-песни
взлет свободен.
Птицы-песни
голос годен
И в бою и за трудом.
Слово чувством
накалилось,
Слово мыслью
утвердилось,
Слово стало рычагом.

Городецкий много переводил — из болгарской, польской, украинской, белорусской, армянской поэзии, работал в области оперной драматургии. Ему принадлежит, в частности, новый текст к опере «Иван Сусанин».

Дополнительные штрихи к облику Городецкого прибавляют материалы, сохранившиеся в домашнем архиве поэта. Публикуем сегодня несколько писем, адресованных Городецкому, и письмо самого Городецкого в редакцию «Литературной газеты» от 18 декабря 1929 года. Оно не было отправлено и осталось в бумагах поэта.

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ — ГОРОДЕЦКОМУ

26 октября 1922 г.

Весьма любезный и талантливый переводчик Магнус, в числе трудов которого имеются такие, как великолепный перевод на английский язык «Слова о полку Игореве», лучшие произведения Андреева и т. д., хочет перевести на английский язык несколько лучших Ваших произведений, для чего просит отобрать их и прислать их ему в Лондон.

Нарком по просвещению
А. ЛУНАЧАРСКИЙ

Якуб КОЛАС — ГОРОДЕЦКОМУ

17. II. 1952

Дорогой друг Сергей!

Почему-то случается так, что наши письма встречаются в дороге. Несколько дней тому назад я послал тебе письмо из больницы, где нахожусь и сейчас. В тот же день под вечер принес мне Данила твое письмо, аккуратно напечатанное на новой машинке. Мне хотелось ответить тотчас же, но и состояние и настроение были таковы, что не располагали даже к такому приятному и легкому труду, как написать письмо другу...

Нынешнее мое пребывание в больнице очень... как тебе сказать? — не радостное для меня: слабею, теряю силы. Одним словом — сильно сниженное ощущение жизни и ее радостей. Я очень одинок и по своей собственной вине, вернее, по собственной конструкции своего быта.

Прочел я книгу В. Пяста «Встречи», изданную в 1929 г. издательством «Федерация». Конечно, книгу эту ты знаешь, тем более, что в ней отведено много места тебе. Почему-то при наших встречах ты никогда не вспомнил про эти «Встречи», не сказал, кто такой Пяст. Кажись, в Польше когда-то Пяст явился основоположником польских королей, их династии.

Читал эту книгу с большим интересом — много литературных имен мне хорошо известны, о многих я ничего не знал и не знаю. Этот Пяст не скупится на самовосхваление, как и автор подобной же книги «Люди и эпоха» * Серебров (А. Тихонов). Если смотреть на большинство персонажей, о которых говорится в этих книгах, с точки зрения сегодняшних наших дней, то какими жалкими букашками кажутся они? Это — мухи под стеклянным колпаком, которые только в своем жужжании видят смысл своего существования. Не буду судить их — «не судите, да не будете судимы». Это, конечно, толстовщина.

Напиши мне...

Как ты живешь? Что делаешь?

Целую тебя.

Привет всему твоему дому.

Твой Я. КОЛАС

* «Время и люди. Воспоминания 1898—1905» (1949, исправл. изд. 1955).

С. Н. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ — ГОРОДЕЦКОМУ

3. VII. 55 г.
г. Алушта, Крым

Дорогой Сергей Митрофанович, спасибо за память!

Кто и при каких обстоятельствах снимал такую живописную группу явно подвыпивших деятелей русской художественной литературы, не знаю, а четвертый, неизвестный — это некий болгарин Атанас Иваныч. Ютился он около Арцыбашева — переводил «Санина» на свой язык. Фамилии его я не знал, поэтому и не могу Вам ее сообщить.

Очень обрадован тем, что Вы, судя по письму, чувствуете себя хорошо, и тем, что готовится книга Ваших избранных стихов. У меня тоже за последние годы набралось до 5 тысяч стихотворений (считая с баснями), но это — товар неходкий.

Мы с Вами теперь одни из очень уже немногих последних из могикан старой русской литературы.

Сердечный привет Вам! Будьте здоровы и невредимы всерьез и надолго.

Ваш С. СЕРГЕЕВ-ЦЕНСКИЙ

НАДО ЛИ ИСПРАВЛЯТЬ СТАРЫЕ СТИХИ?

Письмо в редакцию «Литературной газеты»

18. XII. 1929

Уважаемый товарищ редактор.

Кажется, я не нарушу традиций «Литературной газеты», если попрошу — не столько в порядке возражений, сколько в порядке постановки одного немаловажного принципиального вопроса и попутного внесения мелких поправок — напечатать настоящее мое письмо в ответ на рецензию о моей книге «Грань» (№ 35).

В книге собрана интимная лирика, отражающая перелом моего мировоззрения от энергетического идеализма (Оствальд, Бергсон) к историческому материализму, происшедший во мне под влиянием впечатлений империалистической войны. В основном работа над этим переломом была закончена к 20-му году, но так как мне пришлось возвращаться к Гегелю, чтобы затем от него подняться к Марксу и Ленину, то для окончания ее потребовалось еще несколько лет. Во всяком случае, упрек в символических образах, которыми, по мнению автора рецензии, «полна вся книга», приемлем только по отношению к первому разделу этой книги. Второй же и третий разделы, так же, как и все другие мои книги советского периода, написаны по методу нового, скажем, сгущенного реализма — потому что этот широко теперь распространенный метод еще не назван и не определен критиками.

И вот при перемене метода, вызванного переломом мировоззрения, передо мной встал вопрос, как же быть со старыми стихами? Опубликовать их нужно, чтобы обозначить весь процесс перелома. Но как же с ними быть? Надо ли их переделывать, или не надо? Мы знаем случаи, когда авторы в аналогичных случаях перерабатывают старые стихи, как сделал это, например, Андрей Белый в своей книге «Пепел». Я пришел к категорическому убеждению, которое готов защищать, что переделывать старые стихи нельзя. Каждое, даже самое интимное, стихотворение есть документ своего времени, имеющий определенную общественно - политическую значимость, и он должен жить, как таковой, со всеми своими «анахронизмами». Переделывать его — это значит подделывать и затруднять критикам анализ процесса развития писателя. Это мне кажется совершенно бесспорным. Потому я так и напечатал старые стихи, как они были написаны. Что касается, в частности, «соборов важных» (больше, кажется, в книге «анахронизмов» нет?), то не мне, одному из самых первых работников антирелигиозного фронта, получать упрек в религиозной пропаганде. Дело здесь не так страшно, если прочесть фразу до конца. Здесь ведь дан изобретенный еще акмеистами прием так называемой «обратной гиперболы». Наполовину процитированная фраза целиком звучит так: «И звон соборов важных струится в вышину, как шепот лилий влажных, клонящихся ко сну». Религиозный образ дан в снижении, в упадке, что и является одним из признаков перелома мировоззрения.

Дальше мне, кажется, нужно отметить только досадные опечатки: 1) в стих. «Ямбы» не «в стороне», а в «старине», 2) Врубель не «бродит», а «бредит» и 3) в конце рецензии, надеюсь, «органичен», а не «ограничен».

Ну, конечно, и Жуковский — не поэт, а знаменитый математик Николай Егорович Жуковский, изобретатель винта НЕЖ, много поработавший для советской авиации, можно сказать, один из создателей ее. В его обществе, так же как и в обществе Валерия Брюсова и Бориса Верхоустинского, Дм. Фурманов не так уж одинок в отделе «Стихи ушедшим».

В общем «Грань» — давно пройденная ступень. «На грани» я был в 18—19 годах, а с 20-го целиком по нашу сторону баррикады, разделившей мир. Для многих, думаю, прозвучит странно лирический конец рецензии: «Поэт, действительно, *находится* на грани», — сопровождаемый подозрительным многоточием. Никаких многоточий! Точка старому поставлена десять лет тому назад, и ни разу за эти годы не превращалась ни в многоточие, ни в запятую.

Сергей ГОРОДЕЦКИЙ

Публикация Рогнеды ГОРОДЕЦКОЙ